

Иван Франко

Портрет работы киевского художника, заслуженного деятеля искусств УССР М. Хмелько.

* Москва широко отмечает столетие со дня рождения великого украинского писателя-революционера Ивана Франко.

29 августа в Колонном зале Дома союзов состоится торжественный вечер. После доклада о жизни и творчестве писателя выступят украинские и русские поэты.

Для участия в юбилейных торжествах на Украину выезжает делегация Союза писателей СССР во главе с Н. Тихоновым.

* Столица Украины готовится торжественно отметить столетие со дня рождения Ивана Франко.

Начали съезжаться гости. Прибыла приглашенная Украинским обществом культурной связи с зарубежной делегация товарищества объединенных украинских канадцев, возглавляемая генеральным секретарем этого общества Петром Проконяком.

После гастролей по республике в Киев вернулся Украинский государственный драматический театр имени Ивана Франко. В ближайшие дни он покажет один из лучших своих спектаклей — «Украдене шашто».

Гастролирующий в Киеве Московский Центральный театр транспорта подготовил к юбилею писателя его одноактную пьесу «Будка ч. 27».

* Во Львове состоялся общегородской литературный вечер, посвященный памяти Ивана Франко. С докладом выступил П. Козлячок.

Группа львовских писателей выехала в Броды и Перемишляны, где выступила перед трудящимися.

Местное областное издательство выпустило книгу «Иван Франко в воспоминаниях современников», в которую включены воспоминания М. Кошчибинского, Л. Уманского, О. Кобылянской, В. Стефанюка, М. Черемнына и других авторов.

* Празднование юбилея И. Франко будет проходить не только на Украине, но и во многих союзных республиках.

Состоится литературные вечера, открываются выставки, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

Состоится выставка, читаются лекции, доклады о творчестве великого писателя.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 101 (3602)

Суббота, 25 августа 1956 г.

Цена 40 коп.

КО ДНЮ ШАХТЕРА

Донбасская неделя

МИНУВШУЮ неделю надолго запомнят в Донбассе. К тому же она не раз даст знать о себе в будущем — и в самом ближайшем, и в отдаленном, прожитая в делах оперативных, решающихся уже сегодня, и в делах, которые мы называем перспективными.

...Кажется, еще совсем недавно все читали скучные газетные корреспонденции о том, как встречали Первого секретаря ЦК КПСС среди хлебов Алтая, Сибири, Казахстана. И вот его машина уже мчится по дорогам Донбасса.

Хлеб Сибири, Казахстана и «хлеб» Донбасса. Может быть, никогда еще столь ярко не раскрывалось перед народом жизненное значение и хлеба с целины, и того, что так просто и мудро назвал Владимир Ильич хлебом промышленности, угля, искристо-черного, бесконечно нужно человеку. Такая параллель приходит на ум не только потому, что почти в каждом своем выступлении перед шахтерами Никита Сергеевич Хрущев рассказывал о невиданном урожае в краю покоренной целины. О ней хочется вспомнить потому, что и в покорении целины сказал свое веское слово шахтер, дав угольного хлеба для выплавки металла, а металл победоносно зашагал по целине уверенным шагом тракторных гусениц.

Нынче осенью будет в закромах государства столько зерна, сколько не видывала ни старая Россия, ни наша Советская страна. А вот с хлебом угольным пока еще кое-где приходится затягивать поясик потуже. И не потому это, что угля дают наши шахтеры меньше, — нет, добычу его теперь в полтора раза больше, чем, скажем, пять лет назад. А пройдет еще пятилетие, и будет у нас угля примерно в семнадцать раз больше, чем треть века тому назад, когда мы открыли первую страну в летописи советских пятилеток. Но еще больше, чем добыча угля, росла и растет потребность в нем: если в среднем в стране ежедневно рождается по три-четыре новых предприятия, сколько же этого «хлеба промышленности» нужно для такой воступающей нечисленной семьи!

И вот о том, почему природу добычи донецкого угля не опережает потребность страны, и шел разговор в эти дни. Разговор был откровенный, с глазу на глаз с руководителями партии, разговор о набольшем и возмущенном, о чем не раз говорено и в шахтерской народной, и в общезычной, и тогда, когда вдруг прогрессит по длинной лаве команда: «Стоп!», и скажет машинист комбайна пошпунку, злобно сплюнув с досады: — Опять «стоп», в который раз сегодня! — И вдруг оборвавшийся скрежет стальных зубок режущей цепи комбайна наполнит лаву тягостной, неприятной шахтерскому уху тишиной.

Почему же так часто наступает в лаву такая тишина, и притом тишина, слишком ощутимая для народного хозяйства? Ведь подсчитали в Донбассе, что стоит сократить простои лав хотя бы на 20—30 минут в смену, — и донецкие шахты дадут стране еще пять миллионов тонн угля в год.

Можно повести здесь речь о вещах чисто технических. О том, что дает себя знать медлительность в переходе на новые системы разработок. О том, что слышишь и рядом приходится слышать в эти дни два знакомых шахтерам слова — «недостаточное опережение». Два этих слова — прескверная аттестация иным руководителям шахт. Сaeдoвало бы сказать о переборах на подземном транспорте. О медлительности в решении вопросов комплексной механизации и автоматизации.

Об этом говорили на прошлой неделе на шахтах Донбасса. Инженеров в Донбассе много, есть кому осесть на шахтах, осесть крепко, надолго, так, чтобы в случае необходимости и без «назорки» прийти до самой дальней выработки: почти в пять раз больше инженеров и в семь с половиной раз больше техников, чем до войны. Где же они? Часть — там, где, как на «Горской», на «Третьей-бис» в Чистякове, на Горюховской имени Румянцева и многих других, смело идут в гору, увеличивают добычу угля, «выжимают» комбайнами по пятнадцать и двадцать тысяч тонн угля за месяц, внедряют новые виды крепления, ищут, находят, дерзуют. А часть — и очень немалая — коучет с шахты на шахту с грозными записями в «клячих делах» о выгнорках и «последних предупреждениях». А еще одна часть, и тоже совсем немалая, цепко держится за стулья в канцеляриях. Держится и печется лишь о том, как бы не вышло какое-нибудь звено в отставшей от жизни, слишком многоступенчатой структуре: участок — шахта — трест — главк — министерство республиканское — министерство союзное.

Казалось бы, к чему главки, когда есть тресты и министерство под боком, в самом городе Сталино? Ан нет, держится и это звено. И где-то в недрах канцелярий, у людей, всего более укуренных о сплюснутости и уюте, созрада даже мысль: нельзя ли, мол, чтобы инженеры имели право на повышенную пенсию при дости-

Завтра — День шахтера. Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Вся шахта, весь шахтер, Советский народ славит вдохновенный, творческий труд горняков Донбасса и Кузбасса, Караганды и Челябинска, Черемхово и Воркуты, всех других угольных бассейнов Советского Союза. Наша индустрия щедро оснащает шахты и разрезы угольными комбайнами, продвигает агрегатами, экскаваторами и многими другими механизмами. Вступают в строй все новые и новые шахты. Горняки вооружены могучей техникой, окружены большой заботой, и Родина ждет от них нового подвига угольщиками.

Позвольте, ведь это начинающие строители шахты «Ветка-Глубокая». Шахты еще не сдавали, а поселок уже покрыл ярким ковровым широким простор вокруг нового предприятия.

— Вам-то уж грех жаловаться, — говорит ему, — квартал много, и все новое. А он отвечает: — Действительно новые, да жильцы в них старые.

Выясняется следующее: еще даже не собирались пускать шахту, а сюда валом валли люди из города Сталино с ордерами и категорическими предписаниями «вселить немедленно».

На шахте возмущались, а новоселы оправдывались: — Товарищи дорогие, и нам не по душе это переселение. Нам бы жить, где жили, так ведь цветы...

— Ну, клубы на площади перед обкомом партии. — Так ведь площади никогда там не было? — Не было, а теперь есть. Оттого нас и переселили сюда. Клубы сделаны на месте наших домов.

Управляющий трестом «Куйбышевуголь» тов. Галопенко утешает: — По отчетам числится за трестом 268 тысяч квадратных метров жилья, а шахтеры занимают на сто тысяч меньше. Еще один управляющий добавляет: — А у нас вроде бы и шахтеры живут, да только все бывшие. Приехали, получили квартиру, пообщались и помахали ручкой шахте.

Так постепенно выясняется, что даже и при нехватке жилья из-за все еще недостаточных темпов строительства квартирная проблема на шахтах обострилась из-за порочной практики заселения квартир людьми, не имеющими никакого отношения к шахте.

ОТ ШАХТЫ к шахте лентой дорога, от копра к копру, от поселка к поселку. Велик Донбасс. Не счесть терриконов. А копры шагают все дальше и дальше. Человек взял из донецких недр лишь малую долю запасов. За весь пред-революционный период из донецкой угольной кладовой взято было менее полу-миллиарда тонн угля. Теперь же план намечает: в 1960 году добыть здесь 212 миллионов тонн. Иными словами, за год половину того, что взято за целое столетие.

Заложены новые шахты не только в старых пределах Донбасса. Строят шахты на Днепропетровщине — это тоже Донбасс. А пройдет еще немного времени, и зашагают копры донецких шахт в Сталинграду, в Воронеже, дальше на юг. Проблема «Большого Донбасса» перестала быть темой фантастических произведений. Можно говорить о другом: литераторы увлеклись ею, когда давали волю фантазии, но почему-то никак не приходят сейчас на память хотя бы одна тобоюнская книжечка о расширении донецких границ, о человеке, пробивающемся не только в глубь Донбасса, а и вширь. А ведь речь идет об огромном государственном деле!

Но когда мы говорим о человеке, шагающем вперед, имеется в виду не только строитель и не только расширение границ Донбасса. Речь идет прежде всего о тех огромных кусках целины, что жутят еще освоения и в пределах нынешних шахт. Та целина — огромные, подчас нетронутые резервы шахт. Пусть, например, хотя бы на один метр повысится в месяц темп подвигания лав, — и страна получит из донецких шахт еще без малого четыре миллиона тонн угля в год.

И вот о том, как лучше, как быстрее использовать эти резервы, и шел разговор в Донбассе в дни минувшей недели. Много было сказано о мерах чисто технических, хозяйственных. Но если даже не всегда произносилась вслух одна мысль, то ее можно было безошибочно прочесть в глазах многих шахтеров: — Чаще идите на откровенный разговор к шахтеру, товарищи руководители Донбасса.

А более конкретно об этом сказал на-валодобой шахты № 1-1-бис треста «Краснодардегустуголь» В. Материнский: — Шахтеры наши любят свою работу, понимают ее значение. И они имеют право на внимание к себе. Было бы такое внимание, и мы чувствовали бы его не только по шахтным делам, а и по тому, как работает столовая, что производится в общезычных, как торгуют в магазинах. А во всем этом еще немало недостатков. В обходе и в министерствах, может быть, и знают об этом, да чаще всего из бумаж, а бумага — это не жизнь. Нам же нужен живой разговор, сердечный, вот такой, как в эти дни.

Пусть же пример событий прошлой недели будет хорошим уроком для тех, кому страна, партия, народ поручили такое огромное хозяйство, как наш Донецкий бассейн. Пусть чаще идет откровенный разговор партийного и хозяйственного руководителя с шахтером. За таким разговором всегда последует дело. А в этом — главное для страны.

Б. ЯМПОЛЬСКИЙ СТАЛИНО-ВОРОШИЛОВГРАД

В Совете Министров СССР

В связи с возобновлением строительства памятника В. И. Ленину — Дворца Советов, постройка которого была приостановлена в 1941 году — в начале Великой Отечественной войны, и, учитывая, что имеющийся проект Дворца Советов был составлен почти 20 лет назад, Совет Министров СССР принял постановление о проведении Всесоюзного конкурса на лучший проект памятника В. И. Ленину — Дворца Советов.

Конкурс проводится в целях создания проекта памятника В. И. Ленину — Дворца Советов, близкого и понятного народу по своей архитектуре, удобного для пребывания в нем большого количества людей. При этом имеется в виду, что за последнее время в нашей стране значительно повысились требования к архитектуре и строительству, выросли высококвалифицированные кадры архитекторов, инженеров и строителей, накоплен большой опыт строительства, применяются новые материалы, конструкции и инженерное оборудование.

Дворец Советов, сооружаемый в столице нашей Родины — Москве, как памятник великому основателю Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза В. И. Ленину, предназначен для проведения сессий и заседаний Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, для конгрессов, съездов, собраний, совещаний, для проведения празднеств и других массовых политических и культурных мероприятий.

Памятник В. И. Ленину — Дворец Советов должен быть выдающимся архитектурным произведением, решенным в духе благородной простоты, как монументальное сооружение, полностью отвечающее высоким принципам советской социалистической культуры.

Совет Министров Союза ССР постановил:

1. Провести Всесоюзный открытый конкурс на лучший проект памятника В. И. Ленину — Дворца Советов в Москве.

Наряду с проведением открытого конкурса, провести закрытый конкурс, поручив выполнение 15—20 проектов памятника В. И. Ленину — Дворца Советов видным архитекторам и скульпторам.

2. Утвердить программу и условия конкурса на лучший проект памятника В. И. Ленину — Дворца Советов. За лучшие проекты памятника В. И. Ленину — Дворца Советов из числа представленных на Всесоюзный открытый конкурс установить следующие премии:

- первую премию — 100 000 рублей,
- две вторые премии — по 50 000 рублей,
- три третьи премии — по 25 000 рублей,
- десять поощрительных премий — по 10 000 рублей.

3. Возложить на Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства и Союз архитекторов СССР проведение конкурса на лучший проект памятника В. И. Ленину — Дворца Советов. Установить срок объявления конкурса — 25 августа 1956 года, срок представления проекта на конкурс — 25 февраля 1957 года.

4. Поручить Государственному комитету Совета Министров СССР по делам строительства представить предложения и рекомендации по результатам конкурса к 1 апреля 1957 года.

Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства и Союз архитекторов СССР объявили условия Всесоюзного конкурса на лучший проект памятника В. И. Ленину — Дворца Советов.

Перед турниром наций

Только несколько уткнули страсти болельщиков, наблюдавших увлекательную борьбу участников Спартакиады народов СССР, как столица наша опять становится центром новых спортивных выходов — в этот раз шахматных. Они будут бושевать в течение месяца, вплоть до 25 сентября, когда судьи объявят новых чемпионов — сильнейшую шахматистку и сильнейшую шахматную команду мира.

Подготовка ко всем этим событиям началась несколько раньше, когда 18 августа в Москве открылся, наконец, Центральный шахматный клуб СССР. Спустя два дня после открытия здесь начали работать комиссии Международной шахматной федерации. Они обсуждали принципы дальнейшего розыгрыша званий чемпионов мира для мужчин и женщин, уточнили некоторые международные правила игры, рассмотрели вопросы судейства.

Решения эти были предварительными, их должен утвердить XXVII конгресс федерации, который откроется завтра в турнирном зале клуба. На конгресс приехало уже около пятидесяти делегатов. В обходе на Гоголевском бульваре можно увидеть теперь шахматистов почти всех стран Европы, Америки, Африки и Азии.

Следующим в хронологическом порядке шахматным событием явился матч-турнир на первенство мира среди женщин. После смерти Веры Менчик это звание в 1950 году завоевала советская шахматистка Людмила Руденко, спустя три года — Елизавета Быкова, а прошлой осенью очередной международный турнир выдвинул новую претендентку на шахматную корону — Ольгу Рубцову.

И вот теперь перед Быковой стоит задача — защитить свое звание, перед Руденко — вернуть его, а перед Рубцовой — завоевать его впервые.

Они сыграют между собой по восемь партий. Первый круг закончился сегодня, в день доигрывания неоконченных партий. Тогда же временем приближается знаменательный для шахматистов мира день 31 августа. В этот день в Москве, в Центральном театре Советской Армии, откроется шахматная олимпиада мира, или, как ее еще называют, турнир наций, а по существу — XII командное первенство по шахматам.

У нас турнир наций проводится впервые. Он отличается от предыдущих своими масштабами — ожидается участие команд Австрии, Англии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Голландии, Греции, Дании, Египта, Израиля, Индии, Ирана, Ирландии, Исландии, Люксембурга, Монгольской Народной Республики, Норвегии, Польши, Пуэрто-Рико, Румынии, Саара, Советского Союза, Финляндии, Франции, Федеративной Республики Германии, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции, Шотландии и Югославии. В составе каждой команды — четыре основных и два запасных игрока. Таким образом, мы увидим в Центральном театре Советской Армии около 200 сильнейших шахматистов мира.

Среди них много дебютантов — из Индии, Монголии, Ирана, Египта. Большое путешествие впервые совершают шахматисты Пуэрто-Рико, в то время как обстрелянная в боях команда Соединенных Штатов Америки не смогла... приобрести билеты, чтобы пересечь Атлантический океан.

Для советских шахматистов, завоевавших в двух предыдущих олимпиадах золотые медали чемпионов мира, борьба эта будет нелегкой. Но я не люблю прогнозов — лучше потерпим несколько дней. Честь нашей страны будут защищать: М. Ботвинник, В. Смыслов, П. Керес и Д. Бронштейн. Запасные — М. Тайманов и Е. Геллер.

25 сентября, в один и тот же день, будут объявлены результаты обоих соревнований. Одна из трех советских шахматисток станет чемпионкой мира, одна из тридцати трех команд принесет своей стране пальму мирового шахматного первенства.

Мастер Л. АБРАМОВ

Эти юнцы еще недавно работали на харьковских заводах. Все они комсомольцы. По призыву Коммунистической партии, по путевкам Ленинского комсомола они поехали на работу в Донбасс. Харьковчан направили на кадиевскую шахту № 1—5 «Безановка» треста «Кировуголь». Все пятеро решили стать машинистами электровозов.

Пополнение шахперской семьи

Хорошо отдыхает после дня напряженной учебы. Приятно слышать, как рядом мерно «дышит» шахта, из подземных глубин которой идет на-гора ценнейшее топливо. Николай Кравченко взял гармони, привезенную из дому, и над поселком полились звуки знакомой песни. С донецкой степи погнало свежим ветерком...

Заявление последнего настораживает.

Еще раз о забытой науке

Казалось бы, что вопросы, поднятые в статье проф. Н. Дератани и кандидата филологических наук И. Нахова «В защиту забытой науки» («Литературная газета», № 134, 1955 г.), очень специализированы. Но вот перед нами письма, поступившие в редакцию из разных концов страны. Они — многозначительное свидетельство глубокой заинтересованности советских людей самых разнообразных профессий в успешном развитии классической филологии. Отклики на статью, полученные редакцией, выражают любовь к духовным ценностям античности и тревогу о судьбах уходящей отрасли знания.

«С ростом культуры советского человека пробудились в знаниях классической древности становятся все острее, — пишет слушатель республиканской партийной школы при ЦК КП Белоруссии М. Дубенский. — Этот пробел скрывается, например, в том, что без знания древних языков затрудняется понимание многих положений отдельных наук, чтение научной литературы. Особенно остро это, когда обращается к истории искусства».

Призыв — широко знакомить массы с сокровищами античной культуры — звучит в письме председателя райисполкома г. Ельни Н. Москвина. «Мы часто любим повторять слова великого Ленина о необходимости для строительства коммунизма усвоить всю сумму человеческих знаний, — пишет автор. — Но на практике, пренебрегая, в частности, прекрасной культурой античности, многие терпят в деле воспитания у наших юношей и девушек художественного вкуса, эстетического воспитания». С этим мнением солидаризируются лесовод А. Соколов, пенсионер К. Мальгин (Ростов-на-Дону) и другие читатели.

Авторы многих писем подчеркивают, что знание античной культуры и классических языков необходимо людям самых различных профессий.

К сожалению, книги по античности редки не только на книжном прилавке, но и в массовых библиотеках. «В течение 18 лет во всех библиотеках, которыми приходилось пользоваться, безуспешно спрашиваю переводы античных писателей», — сообщает офицер И. Флотский. «В планы издательства необходимо включить сочинения античных писателей, книги советских литературоведов о них», — требует инженер-геодезист В. Карасев (Москва).

Оттеснение проблем античности на задний план привело не только к серьезному отставанию классической филологии, но и к отрицательным последствиям в разработке смежных с нею гуманитарных наук. В этой связи заслуживает внимания письмо проф. Немировского (Ростов-на-Дону), в котором подчеркивается международное значение античного наследия, письмо семнадцати профессоров и преподавателей вузов Воронежя, убедительно говорящее о важности изучения классических языков и литературы при разработке проблем древней и средней истории Западной и Восточной Азии, для изучения истории южных и восточных славян. Та же мысль обстоятельно аргументируется в письме пятнадцати сотрудников историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Научные работники Молдавской ССР в коллективном письме справедливо подчеркивают: что разработка насущных вопросов молдавского языка — единственной в нашей стране представителя романской группы языков — не может идти успешно без создания в республике кафедр латинского языка.

Значительное место в редакционной почте занимает анализ причин, обусловивших тяжелое положение в области классической филологии и классического образования. Читатели указывают на отрицательную позицию отдельных работников Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР, не выходящих из нужды филологическо-

го образования. «Буквально через несколько лет может оказаться немалым людей, — пишет проф. В. Казанский (Ленинград), — способных читать греческие и латинские надписи, рукописи и документы наших архивов или перевести античного автора».

Проф. М. Грабарь-Пассек, доц. В. Ярхо (Москва) и другие сообщают, что в 1-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков курс латинского языка механически сокращен с 200 до 126 часов, а история античной литературы вообще исключена из учебного плана. А разве можно смириться с тем, что ликвидировано преподавание латинского языка на философских, юридических и других факультетах! Своим решительное согласие с такой постановкой дела выражают проф. Томского государственного университета Л. Тарасов и кандидат филологических наук Э. Моллина, доц. Н. Тимофеева (Москва) и многие другие.

О том, что Академия наук СССР не стала подлинным центром разработки проблем античного наследия, говорят проф. А. Лосев, А. Вознесенский (Свердловск), научные работники Казанского университета.

Читатели единодушно поддерживают конкретные меры по ликвидации отставания классической филологии, предложенные в статье Н. Дератани и И. Нахова. Напоминание эти предложения: созыв широкого совещания по вопросам классического образования, создание специального научно-популярного журнала, восстановление крупных классических языков в Академии наук СССР и т. д. Помимо этого, авторы писем вносят ряд новых предложений.

Для популяризации античности следует не только увеличить издание переводов, но и наладить выпуск популярных брошюр по античной истории, философии, мифологии, литературе, искусству. Этим могли бы, например, заняться издательство «Знание» и Госкультпросветиздат. Издательство «Искусство» могло бы выпустить альбомы фотопроизведений античной скульптуры. Было бы также целесообразным организовать циклы лекций по античной культуре.

Что же думать о судьбах классической филологии руководители организаций и учреждений, немало повинных в бедственном положении «забытой науки»?

Заместитель начальника Главного управления университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР А. Шебанов сообщил редакции, что в статье вопросы поставлены «правильно, заслуживают внимания и особого изучения» (подчеркнуто нами. — Ред.). Но в чем видит министерство выход из создавшегося положения? Каковы пути государственного решения важной проблемы, вынесенной на обсуждение общественности? Министерство уклонилось от ответа на эти вопросы. А между тем многие и многие научные и учебные заведения нашей страны, издательства, редакции, книгохранилища, архивы, музеи не могут обходиться без знакомых античности.

Лишь через полгода после выступления «Литературной газеты» в редакцию пришел отклик от заместителя министра просвещения РСФСР тов. Арсеньева. В нем также общее признание «необходимости усиления в педагогических институтах внимания вопросам изучения латинского языка и античной литературы», но среди намеченных полезных мероприятий нет, как нам кажется, самого главного — введения в учебные планы факультетов русского языка и литературы латинского языка как обязательной дисциплины.

Надо надеяться, что взволнованный голос общественности будет услышан в Академии наук СССР, в издательствах и в других заинтересованных организациях и учреждениях. Общими усилиями забытая наука утвердится в своих правах!

НА РУМЫНСКОЙ ВЫСТАВКЕ

В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького открылась выставка «Румынская Народная Республика на пути строительства социализма». Экспонаты выставки наглядно рассказывают о быстром росте промышленности, сельского хозяйства и культуры страны. Специальные разделы посвящены легкой промышленности, жилищному строительству, здравоохранению.

Многолюдно в залах выставки. Советские люди от души радуются достижениям дружественного румынского народа.

На снимке: посетители у действующей модели установки для бурения нефтяных скважин.

Фото А. Ляпина

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„Издательство или вотчина?“

Под таким заголовком в № 33 «Литературной газеты» было опубликовано письмо группы читательских писателей. Бюро Читинского обкома КПСС обсудило это письмо и отметило, что в работе Читинского книжного издательства имеются серьезные недостатки. Длительное время в издательстве не было редакционного и художественного советов, не составлялись перспективные планы редакционной подготовки, не велась работа с авторским активом, существовала неправильная практика авансирования, допускалась затяжка с рассмотрением отдельных рукописей. На все это указано директору издательства тов. Яценко Бюро обкома партии обязало директора издательства и начальника областного управления культуры принять необходимые меры по улучшению работы издательства.

Обвинения тов. Яценко в личных злоупотреблениях бюро обкома партии считает необоснованными. Бюро обкома КПСС отметило крупные недостатки в работе Читинского отделения Союза писателей, которые состоят прежде всего в замкнутости писательской организации и отрыве ее от жизни области, в некорректном подходе к творчеству молодых литераторов.

Бюро обкома партии рекомендовало руководителям отделения Союза писателей укрепить связь литераторов с жизнью Забайкалья.

Гастроли передвижных театров

В течение двух месяцев шесть театров столичной области держали творческий отчет перед московскими зрителями. Сейчас подведены итоги осмотра. Наиболее высокой оценки удостоился спектакль «Лес дремучий» в постановке театра имени Островского. «Оптимистическая трагедия» и «Мораль пана Дульскаго» в постановке Ногинского театра и «Иван Рыбаков» в постановке Областного театра драмы. Театр юного зрителя показал «Коварство и любовь», «Униженные и оскорбленные». За время осмотра москвичи познакомились с 22 постановками театров области.

Смотр явился не только творческим отчетом актеров, режиссеров и художников, — он помог выявить насущные нужды передвижных театров.

В. КАРДИН

Человек за бортом

Мысль и трюк

Вот и наступили времена, когда кинокомедия перестала быть событием, ожидаемым если не годами, то месяцами. Не успели еще прилепиться афиши с надписью «За витриной универмага», как веселый плакат возвестил о выпуске киноводевиля «На подмостках сцены». И он недолго удержался на щитах, вытесненный афишей с улыбающимся Игорем Ильинским — «Безумный день». А рядом уже наклеивают новую карикатуру, изображающую незадачливого рылового, — рекламу «Драгоценного подарка». Скоро появятся еще одна комедия — «Бесплодная весна».

Но почему большинство из новых кинокомедий не задерживаются на экране, почему на многих сеансах пустуют кресла, а то и целые ряды, почему во время демонстрации фильма так редко звучит смех?

Увеличился выпуск кинокомедий, и особенно явственно стали их недочеты. Не частные, в которых повинен тот или иной сценарист, режиссер, актер, а общие, свойственные пона что нашей кинокомедииграфии в целом.

«Очень умно и замысловато». Это слова В. Г. Белинского о водевиле Д. Ленского «Лев Гурьч Синичкин, или Провинциальная Дебютантка», о том самом водевиле, по которому М. Вольтин и Н. Эрдаман написан сценарий, а К. Юдиным поставлен фильм «На подмостках сцены». Применено ли к этому фильму определение В. Г. Белинского?

Замысловато? Пожалуй, да. Сохранилась полная курьезных неожиданностей сюжетная нить старинного водевиля, благодаря тонкому мастерству В. Меркурьева обрел киножизнь: старый русский актер Лев Гурьч Синичкин, — это столь талантливый, сколь пренебрежительный и не столь проницательный, сколь одушевленный стремлением любой ценой добиться дебюта своей дочке Лизальке.

Крупный план, монтажные перебивки, натурные съемки — все это открыло

Заметки о кинокомедии

дополнительные возможности обогащения водевильной интриги. И авторы ими воспользовались, создав немало живых сцен, несколько расширив сферу событий. Найдено, например, чисто кинематографическое начало водевиля: крупным планом даны ноги идущих по шпалам Синичкина и Лизы, и из-за надра слышен голос Льва Гурьча, расправляющегося о пользе для пешеходов железных дорог: «...грунт под ногами твердый. Рельсы направление указывают, сухо, чисто... Вот только жалко, поезда мешают...».

Белинский сказал о водевиле: «очень умно». Можно ли отнести эти слова к фильму? Произошло это из-за предположения авторов фильма, что в комедии, а тем более в водевиле, сойдут любые приемы и трюки.

Есть неограниченная, беззастенчиво любимая сценаристами и режиссерами (не только комедиографами) возможность заставить героев петь. Уж по какому только поводом и что только не поют герои наших кинофильмов! Но даже привыкнув к этому, даже признавая правду водевиля на отнюдь не самые выдержанные куплеты, нельзя не испытывать оторопь, вслушиваясь в тексты песен, написанных М. Вольтиним, — в слова лихого марша, исполняемого Гусарями, или «Застольной», которой проявляются трагические завсегдатаи.

Все знают толк от вина голова, Опять же с его произношением слова.

Интеллектуальный уровень фильма оказался ниже уровня, на котором в давние годы был создан водевиль, ибо авторы не устояли перед соблазнами дешевых развлекательных приемов.

Ставка на трюк, наивная вера, — авось, трюк выведет, рассмешишь, — едва ли не самое характерное для новых кинокомедий последнего времени. Основа этих комедий слаба и малосодержатель-

ФЕЛЬЕТОН

Ограбленный грабитель

В редакционную комнату вошел позитивный человек в неопрятном костюме с большой торбой в руках. На его лице активнее всего выделялся нос и ряд стальных зубов. Он запер за собой дверь на ключ и спросил:

— Извините, можно мне с вами поговорить наедине?

— Пожалуйста.

— Меня ограбили! Произошла чудовищная несправедливость. Если газета меня не поддержит, я не знаю, что делать... Трагическое положение.

Я налил в стакан воды и пододвинул его посетителю.

— Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Рассказывайте по порядку все, как было.

— Я, видите ли, грабитель.

— То есть как это?

— Ну, в чужом доме пока спят — вынести что-нибудь... кого-нибудь в поезде стукнуть... Или часы, например, с руки снять. У вас, кажется, швейцарские? Покажите на руку.

Я почувствовал, как у меня холодеют ноги.

Вы не беспокойтесь, — понял мое состояние посетитель. — Я бросил это Неудобоно, знаете. На суде все время слышал. Думаю — все стараться, убеждать, а я вроде неоправданный. Ну его к лешему! Я обычным делом могу больше, чем воровством, выколдовать. У меня очень здорово голова затесана. Сообразить что-нибудь или изобрести — это плевое дело. Берете, к примеру, обыкновенную водопроводную трубу и присоединяете ее к колодцу и по этой трубе качаете себе воду в дом, и она течет, знаете, когда захочешь. Закрыл крантик — не течет, открыл — пожалуйста. Очень хорошее изобретение.

— Но водопровод есть уже, как же это? — Вот то-то и плохо. Много ценных мыслей у меня в трубу вылетело. Чтo ни старое придумать, — все уже изобрели. Простейшее дело — когерта. И та выдумана... И вдруг один знакомый изобрел водопроводом позаниматься. Говорит, большие перспективы открываются в этом направлении. Гонорары выйдут, мысли разные привлекут. Ну, что ж, думаю, условия подходящие.

Для начала стал я в библиотеку приглядываться. Но дело-то очень хитрое. Оказывается, если хочешь какую-нибудь книгу издать, то самому же нужно ее и читать. Но у меня в голове шарик сработал, и я сразу внес реальное предложение: при библиотеке надо держать небольшого ученого. Подходящий к нему: голубчик, подготовьте мне к завтрашнему дню научный труд о банном промысле или какую-нибудь диссертацию по астрономии — о косметической пыли, скажем. И он через день дает тебе готовое сочинение, а ты только ходишь и продаешь его. Можно большие деньги выколачивать.

Но, оказывается, и это все уже изобретено. Лично Кондратий Трифонович до меня уже такую машинку придумал. Она тебе и пахать может, и дрова таскать, и воду на любой этаж носить... Чтo ни захочешь, — все делает. И открылся это дело, оказывается, двое: Салтыков и Щедрин.

Когда мне рассказали про эти сказки, я тут же и смекнул, а не взять ли эти сказки Салтыкова и Щедрина темой для своего литературного исследования. И книгу продам, и получу знание — в учебные выдуть. Некоторые даже говорят, что Салтыков и Щедрин — это будто бы один человек с двумя фамилиями...

В библиотеке я попросил все, что про сказки Салтыкова-Щедрина написано. Стали мне в шесть рук носить. Да тут не то что писать новое, тут и старое прочесть. О каждой сказке — чуть не библиотечки целые. Но я тоже терпел. И не заглядывая в книги, написал вступление: нет ни одной работы, которая была бы посвящена всестороннему изучению сказочного творчества Щедрина. Так и прочитал. Пусть знают!

Долго возмущался я со своей научной работой не стал. Для начала выдвинул критика, которого теперь никто не читает. Человек в идеалистическом вымысле. Человек в идеалистическом вымысле. Человек в идеалистическом вымысле.

Второй глава тоже хорошо пошла. Вырезал ножницами комментарии И. Векслера к полному собранию сочинений Щедрина, выдрал комок у В. Десницкого из второй книги «На литературные темы» и подклеил обрывок из каких-то «Ученых записок» Ростовского-на-Дону педагогического института за 1940 год, том III, автор Я. Лебедев.

А вот с третьей главой пришлось попариться. Никогда ее из одного места не

сплещешь. Оказывается, литература — хитрая штука. Дождялся, пока все в библиотеке обернулось в сторону, и вырезал безопасной бритвой из «Исправды» за 10 мая 1949 года статью Д. Заславского «Великий русский сатирик». Оказалось мало. Пришлось дальше резать. Книжки три перепортил: «Русский фольклор» Ю. Соколова. «Литература и фольклор» М. Азадовского, а конец взял опять же из собрания «Литературный Ростов» за 1939 год, автор Я. Лебедев. Замечательный город этот Ростов: бывало у меня там всякое...

О чем я? Ах да — о литературоведении Трудное это дело. Очень трудное! Следующую главу я взял у Я. Эльсберга из книги «Стиль Щедрина». Позанимствовал цитаты, фактический материал и мысли разные. И все по-своему изложил Я. Эльсбергер, например, разбил книгу на разные главы: «Методы типизации...», «Язык Щедрина», а я внес свое: объединил его главы в одну и дал им другое название: «Методы типизации и язык Щедрина». Самому даже нравятся. Нет, из меня большой ученый получится.

Целью два дня над своим научным трудом работал. Теперь, думаю, надо за него степень получить.

Тут же собрался, поборился и пошел во Всесоюзную аттестационную комиссию — сокращенно ВАК, чтобы получить там ученую степень. Через несколько дней прихожу за своим званием

кандидата филологических наук — отказ.

То есть как это так? На каком основании? Все поднял на ноги. Так что же вы думали? Оказывается, подобно диссертации, но только гораздо раньше меня, представил в ту же самую Всесоюзную аттестационную комиссию, сокращенно ВАК, некий Виктор Семенович Филиппов, за что и получил торжественно звание кандидата филологических наук.

Так что же это получается? Филиппову за такую же переписку степень определили. А мне опять трудиться, еще откуда-нибудь списывать? Вот и займись после этого честным делом.

Вы, может быть, думаете, что я вам рассказываю сказки? Ничего подобного. Пройдите в Ленинскую библиотеку и посмотрите диссертацию кандидата филологических наук В. С. Филиппова «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Да и сейчас ходит туда, когда все это можно прочитать уже в «Трудах» и «Ученых записках» Ставропольского пединститута. И здесь успел. В аккурат из тех же самых источников списывает. И вывешивает не ставит, что, мол, это чужие произведения.

Посетитель вынул из торбы, похуже на старый саванья, десятка полтора книг. — Вот, смотрите, с одной стороны старый того Иванова-Разумника, а с другой стороны — этого нашего Филиппова-Разумника, и читайте.

Иванов-Разумник

Комментарии и примечания к «Сказкам» Щедрина

Сочинения Щедрина, ГИЗ, 1927 г., том V

«...тема «Повести...» зародилась у Салтыкова... из одного места очерка «Старый кот на покое» серии «Помпадур и помпадурш», одна из записок философического содержания, написанная отставным помпадуром и носившая заглавие «Что, ежели бы я жил на необитаемом острове и имел собеседником лишь правителя канцелярии...» несомненно, дала толчок к написанию Салтыковым «Повести».

«...мечтания «дикого помещика» во многом являются перефразировкой мечтаний помещика Кондратия Трифоновича из очерка «Деревенская тишь» (1863 г., вошел в книгу «Невинных рассказов») Кондратий Трифонович мечтал даже и о том, что выпустит такую машинку, которая и дрова таскать будет, и пахать будет, и воду носить будет... Кондратий Трифонович «видит во сне, что он сделался мелведием...» все элементы сказки «Дикий помещик» мы увидим уже намеченными в очерке «Деревенская тишь», написанном шестью годами раньше. Но за эти шесть лет идея «дикого помещика» усиленно развивалась и поддерживалась реакционно-крестьянская газета «Весть...» (стр. 489—490).

«...и так на многих страницах. Могу вам дальше читать... Хотите? Вот ведь каков, этот Филиппов — нашел все-таки ту самую машинку, о которой так мечтал Кондратий Трифонович из очерка «Деревенская тишь». Да еще и усовершенствовал ее — она теперь не только сама пахнет, а и сама пишет! Кибернетика!»

Лично посетителя снова стало жалостливо-слезливым. Он даже всхлипнул: «За что обидели? И у того диссертация липовая и у меня такая же, а ему одному почему-то дали ученое звание, а мне нет».

— Мне кажется, — заметил я, — что если вы доведете все это до сведения ВАКа, то отнимут у лжеученого кандидата филологических наук его звание. Посетитель безнадёжно махнул рукой.

— Какая польза мне от этого? Мне самому заработать надо, а не другого топить. Мне обидно, что комбинация полетела прахом!

— Я не совсем понимаю, — наконец выплинул я, чем я, собственно, могу вам помочь? Вы хотите, чтобы я выдал такого плагиатора вытаскивал перед всем честным миром за уши да по солнышко и так выколочивал из него пыль, чтобы не только ему, а и другим не повало было в чужие труды лезть?

— Божье меня упаси! — бывший грабитель даже поблещел от волнения. — Разве я хочу шум подымать? И про Филиппова надо молчать. Разве можно сор из избы выносить? Я за другим к вам.

— Зачем? — сухо спросил я.

— Хочу завычку у вас оставить. У меня как раз новая мысль есть. Пойду сейчас переписывать «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Васильевича Гоголя. Хочу за свой труд издать. Так если кто-нибудь другой быстрее моего

«Труды» В. Филиппова

«Тема «Повести...» зародилась у Салтыкова еще в его «Помпадур и помпадурш», в очерке «Старый кот на покое». Одна из записок философического содержания, написанная помпадуром в отставке, и носившая заглавие «Что, ежели бы я жил на необитаемом острове и имел собеседником лишь правителя канцелярии...» несомненно, дала толчок к созданию Салтыковым его первой сказки.

«Мечтания «дикого помещика» во многом являются перефразировкой мечтаний помещика Кондратия Трифоновича из очерка «Деревенская тишь», включенного в «Письмо из провинции» (?) Кондратий Трифонович мечтал о том, что выпустит такую машинку, которая и дрова таскать будет, и пахать будет, и воду носить будет... Кондратий Трифонович во сне видит, что он сделался мелведием... все элементы сказки «Дикий помещик» были намечены в очерке «Деревенская тишь», написанном шестью годами раньше. Но за эти шесть лет идея «дикого помещика» усиленно развивалась и поддерживалась реакционно-крестьянская газета «Весть...» (стр. 489—490).

«...и так на многих страницах. Могу вам дальше читать... Хотите? Вот ведь каков, этот Филиппов — нашел все-таки ту самую машинку, о которой так мечтал Кондратий Трифонович из очерка «Деревенская тишь». Да еще и усовершенствовал ее — она теперь не только сама пахнет, а и сама пишет! Кибернетика!»

Лично посетителя снова стало жалостливо-слезливым. Он даже всхлипнул: «За что обидели? И у того диссертация липовая и у меня такая же, а ему одному почему-то дали ученое звание, а мне нет».

— Мне кажется, — заметил я, — что если вы доведете все это до сведения ВАКа, то отнимут у лжеученого кандидата филологических наук его звание. Посетитель безнадёжно махнул рукой.

— Какая польза мне от этого? Мне самому заработать надо, а не другого топить. Мне обидно, что комбинация полетела прахом!

— Я не совсем понимаю, — наконец выплинул я, чем я, собственно, могу вам помочь? Вы хотите, чтобы я выдал такого плагиатора вытаскивал перед всем честным миром за уши да по солнышко и так выколочивал из него пыль, чтобы не только ему, а и другим не повало было в чужие труды лезть?

— Божье меня упаси! — бывший грабитель даже поблещел от волнения. — Разве я хочу шум подымать? И про Филиппова надо молчать. Разве можно сор из избы выносить? Я за другим к вам.

— Зачем? — сухо спросил я.

— Хочу завычку у вас оставить. У меня как раз новая мысль есть. Пойду сейчас переписывать «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Васильевича Гоголя. Хочу за свой труд издать. Так если кто-нибудь другой быстрее моего

перепишет, подтвердите, пожалуйста, что я был первый.

Посетитель встал и вышел.

«Что такое, — подумал я, — не сон ли это? Но передо мной на столе лежали две книги трудов Ставропольского государственного педагогического института, в которых черным по белому слова и мысли таких литераторов, как М. Азадовский, И. Векслер, В. Десницкий, Д. Заславский, Я. Лебедев, Ю. Соколов, Я. Эльсбергер и другие, были подписаны фамилией директора Смоленского педагогического института, кандидата филологических наук В. С. Филиппова.

Я позвонил в Смоленск. В. С. Филиппов с грустью признал, что его труды действительно нельзя считать научными, так как они являются компиляцией чужих выражений и мыслей. Он согласился, что, видимо, поступил неосторожно, не предупредив об этом читателей. Будем надеяться, что Виктор Семенович в своей дальнейшей научной деятельности будет осторожнее...

Нет, товарищи, не pessimist я. Я почему-то верю, что «Мертвые души» Н. В. Гоголя не будут изданы под чужой фамилией.

Ег. ШАТУНОВСКИЙ

Их было пятеро. Рис. Е. Горюхова и В. Соловьева

них невозможен киноводевиль. Но лишь до тех пор, пока они — средство выразить мысль, идею, характер. Едва первым становится самоцелью, искусство кончается. Вместе с ним умирает смех.

Нелюбовь положения, в котором оказывается герой, сама по себе не всегда может рассмешить, она вовсе не означает комизм положения. Порой она вызывает иное чувство — чувство обиды за автора.

Почему, например, в фильме «Безумный день» (сценарий В. Катаева, постановщик А. Туттышин), где есть немало смешных эпизодов, превосходные артисты И. Ильинский, С. Бирман, С. Мартинсон, В. Володин вынуждены распевать куплеты В. Массы и М. Червинского, вроде:

Старается мы... Чтоб Работал гардероб Без перепутывания галаш,

— куплеты, от которых зрители делается как кот не по себе.

На долю таких отличных комедийных артистов, как В. Володин, Р. Зелена, М. Миронова, занятых в фильме «Драгоценный подарок», поставленном А. Роу по сценарию А. Филимонова, выпала поистине драматическая роль. В течение полудтора часов они, используя свое мастерство и опыт, должны заполнить полнометражную пустоту картины, в которой нет даже тени мысли, даже подобия материала для игры. Только бесконечные «падения», «ныряния» да немовверно растянутый, едва не на треть длины, пустой эпизод ловли щуки.

И единственно, что вызывает эти потуги рассмешить, — недоумение. Зачем известные артисты с такой легкостью соглашаются участвовать в фильме, способном их лишь дискредитировать, зачем тратить время, силы, средства?

Простая фантазия будет самой неуемной, сатира — самой смелой, юмор — самым безудержным. Они вызовут смех, они будут разить лишь тогда, когда пробьют из земной почвы, а не появятся с потолка писательского кабинета, когда у

У двери принцессы сторожит теперь не угрюмый евнух, а разбитная секретарша. Влюбленные говорят о качестве продукции фабрики «Заря», о культурном обслуживании, Михаил Иванович высказывается не иначе, как от имени многомиллионного покупателя.

Начальные титры фильма идут на фоне витринных манекенов. Кончатся титры, и ожившие манекены с манекенно-завитыми головками, со своими манекенными чувствами и проблемами становятся его героями.

Это тем более досадно, что сценарий «За витриной универмага» написан А. Каплером — опытным, талантливым кинодраматургом, а постановщик картины К. Самсонов — молодой, способный режиссер, автор хорошего фильма «Попрыгунья».

НАШ ФРАНКО

Леонид НОВИЧЕНКО

КОГДА думаешь об Иване Франко, на ум приходит прежде всего мысль о том, как ярко и щедро выразилась в нем духовная сила народа, который вспоил и вскормил его соками своей могучей души.

Духовные искания его в целом величавы и героичны, хоть в них подчас и появлялся трагический элемент. Путь каменоломов, дробящих вековую скалу тьмы и неправды, путь Древоруба — героя одного из его рассказов, вырубавшего густой лес, который заграждает путь человечеству к солнцу, Иван Франко прошел как полнивший народный богатый.

Всей своей деятельностью великий писатель укрепил дружбу двух братских народов — русского и украинского. Передача русской литературы была даруем с литературой украинской его духовной родины: недаром он от имени всего передового украинства говорил: да, мы все русофилы. Две России — Россию царскую, буржуазно-помещичью, и Россию народную, демократическую — он всегда различал с замечательной, бесконечно поучительной ясностью.

Необходимость единения с демократической и социалистической Россией, высокую благотворность русского культурного влияния Иван Франко неизменно отстаивал в борьбе с националистическими политиками, перой и правдой служившим интересам царской Австрии. И когда сегодня некоторые «украинские» газетки за океаном, издаваемые буржуазными националистами, пытаются представить дело так, что Франко, мол, любил Австрию (Австрию «вообще») и не любил Россию (Россию «вообще»), как это, например, утверждает, пускаясь в явную жудливую махинацию, газета «Новый шаг», то им можно ответить словами самого поэта: Наплюй я, синку, лише знаю Всю ту патріотичну зграю І ціну її любовних фраз...

Художественное, литературно-критическое, публицистическое и научное творчество Ивана Франко почти необозримо, по крайней мере, в рамках любой статьи. Удивляешься не только неиссякаемой энергии и творческой щедрости писателя, но и феноменальному многообразию родов, жанров, планов, масштабов и манер, в которых работал этот неукротимый труженик. Он и поэт, и прозаик, и драматург, и сатирик. И во всех этих родах оставил он свои шедевры, входящие в золотой фонд украинской и мировой литературной классики. А какой он всеобъемлющий, как богат интеллектуально и художественно в любой области своего творчества этот суровый боец, непреклонный поборник реалистического и гражданского, тенденциозного искусства! Тем, кто склонен сознательно или незаметно противопоставлять друг другу понятия идеальности и богатства искусства, гражданственности и художественности, — пример Франко еще и еще раз показывает, насколько они неправы.

Вот его поэзия. Странно различны между собой уже отдельные сборники: боевая, полная молодого кипения и беззаветного, хочется сказать революционного, рывчатая книга «С вершин и низин»; бесконечно интимная, горестная, скорбная и нежная лирика «Увидящих листьев»; философско-поучающий «Мой Измарраг»; книга полемик и исканий, где силой страстной и все же по-прежнему острой и смелой мысли поэта оживлены такие, казалось бы, устаревшие и наивные формы, как притчи, аполги, «поучения». И все это вместе с тем — единый живой Франко, поэт, увеличивший затрагивать самые различные струны сердца человеческого! Он был автором «Творческих советов» — этого смелого и своеобразного выклада украинской поэзии в мировое искусство сонаета, — и безискусственных песен в фольклорном духе; автором философских поэм типа «Моисей» или «Смерть Каяна», в которых разрабатывались темы и сюжеты, имеющие за собой многовековую мировую традицию; и злободневных сатирических памфлетов и фельетонов, как «Осы» или «Дума про Наума Безумовича». Совершенно поражающее искусство поэта-бойца в области «низальной» стихотворной полемики, полной вместе с тем глубокого общепозитивского и философского смысла, — достаточно вспомнить его знаменитые стихи «Декадент» (В. Шурат), «Селоголанов», «Посвящение Миколу Вороному», «О. Лунатику». А в то же время, что не восхитилась Франко — автором прекрасных лирических раздумий, которые он иногда называл рефлексиями, Франко — создателем реалистически полнокровных «Галицких картинок», Франко — певцом любви и нестерпимой любовной муки!

Своей бесконечной человеческой многогранностью, сердечностью, мудростью и простотой этот поэт, сколько его ни перечитываешь, вызывает неизменно одно и то же чувство: его просто любишь и не можешь не любить... Очевидно, это и есть первый признак той большой, настоящей поэзии, которая вспоминается сердца народов и поколений. Нельзя не отметить и еще одно важное качество франковской поэзии: это поэзия острого внутреннего смысла, поэзия подвижной и вечно работающей мысли. Стихи его почти всегда сюжетны — не столько по наличию в них фабулы, сколько по внутренней «диалектике чувств», по тонкой и логически заостренной организации всего материала. Внутренняя «модель», по которой они сделаны, — это модель, если можно так сказать, народного творчества, которое всегда предполагает прозрачную ясность и убедительное остроумие всего замысла. Псевдолири-

ческая пустота, темнота и вялость мысли (которые, к слову сказать, можно встретить в иных произведениях современных украинских поэтов) были для него нестерпимы. В «голую эмоцию», в силу пресловутой лирической «стихий», не вооруженной глубокими идеями и точным знанием живой действительности, Франко верил мало и беспощадно высмеивал всякое псевдоэмоциональное плоскомыслие и безмыслие, хотя бы оно и было облечено в самые «строгательные» по внешности формы. Мужский демократизм, смелый в нем, требовал и от поэзии прежде всего «дела», а не просто «слова», при всем том, что искусство было для него немислимо без живой полноты не только мысли, но и чувств.

Широк и многообразен Франко и в своей художественной прозе. Здесь с особой яркостью проявляется, насколько неуклюжо писатель следовал своей собственной заповеди — о жизни, как единственном эстетическом кодексе: «Что она свяжет — то и будет связано, а что она развяжет — то и будет развязано». Автор повести «Борислав смеется» любил жизнь, любил, как художник, ее сложную пестроту и одновременно целостность. Литература для него была знанием о народе столько же, сколько и знанием об отдельном человеке; говоря современными словами, задачи «человековедения» и «народоведения» для него были нераздельны. Движимый революционными, социалистическими идеалами, Франко прозяк главное свое внимание уделяет изображению народной среды, показывая сложные социальные процессы, происходящие в ней. Пожалуй, ни у одного украинского прозаика конца XIX — начала XX века мы не найдем такого широкого и детального «разреза» в изображении жизни своего народа, своей страны, как у Ивана Франко. Социальное, психологическое, профессиональное и всякое иное богатство человеческих типов и характеров здесь чрезвычайно.

Современный исследователь А. И. Беленский деит прозу Ивана Франко на восемь или девять больших тематических циклов, каждый из которых говорит о том, как пылито и проникновенно читал писатель книгу жизни. Действующими лицами наиболее известных его рассказов, повестей и романов были: крестьяне, жизнь которых показана в их нехватке — при крепостном праве, в период революции 1848 года и в годы современного писателя «реформенного» разорения; люди Бориславских нефтяных промыслов — вчерашние пастухи и хлеборобы, переживающие мучительный процесс превращения в новый класс — пролетариев, и те, кто волацает власть капитала, — предприниматели.

Но это лишь два главных тематических пласта. За ними идут циклы произведений, в которых великий реалист и гуманист изображает «людей для», рассказывает о детях и подростках (поражающая сила многих из этих рассказов обреченности), пишет о судьбах, духовных и нравственных исканиях галицийской интеллигенции, попутно затрагивая удивливший и сложный быт полумещанских и мещанских слоев. А кроме всего этого, — обширное поле франковской сатирической прозы, историческая и вместе с тем «социально-программная» романтическая повесть «Захар Беркут», близкие к стихотворениям в прозе рассказы, аллегорические и символические (типа «Древоруба»), и прочее.

И вся эта богатейшая галерея образов дана художником прежде всего и преимущественно в социальном разрезе, с открытым проявлением авторских симпатий и антипатий, потому что, как прекрасно сказал в свое время М. Коцюбинский, люди у Франко «делятся на два лагеря — на угнетателей, против которых он острит, как меч, свое слово, и угнетенных, которым он отдает свое сердце». При этом в его произведениях все блещет и переливается живыми художественными красками; по словам того же Коцюбинского, в прозе Франко (исключая отдельные повести, в которых Коцюбинский видел и страсти малоудачные, написанные наспех) «распылены, как и в природе, величественные картины, ясные, светлые, полные солнца, воздуха и красок пейзажи, проходящие живые люди, ярко наряженные, в свете тонкого психологического анализа».

Разнообразием тематики и вдумчивыми новаторскими поисками примечательна и драматургия Франко. Зрители Советского Союза и зарубежных стран хорошо знают такой его шедевр, как «Украденное счастье», пьеса, в которой достигнуто замечательное единство бытового, психологического и философского планов. Но жалут еще своего проникновенного спенического раскрытия и «Сон князя Святослава» и «Рябина», и «Учитель», и многие другие творения Франко-драматурга. Оценивая то, что сделал Франко в поэзии, прозе и драматургии, мы можем говорить о широком, выходящем далеко за пределы украинской литературы значении лучших его образов и мотивов. Когда перечитываешь, например, его первую книгу стихов — обжитая своим революционным нафосом «С вершин и низин» (1887 г.), не можешь освободиться от мысли, что историк литературы все еще не сказали об этих произведениях достойного слова, не прочитали их в контексте ми-

ровой поэзии и мировых событий того времени.

Конечно, жокректные импульсы, породившие то стихотворение, были самыми разнообразными. Франко, например, говорил, что первый толчок к созданию «Каменоломов» ему дало зрелище тяжелого труда нескольких рабочих. Но вслушайтесь в эти гордые, железные ритмы, звучащие в «Каменоломов», в «Вечном революционере», в «Беркуте» и в «Веснянках», примотритесь, какой естественной и свободной жизнью живет в этих стихах новый лирический герой — радостное и боевое «мы», коллектив, «громада» борцов за счастливое будущее народов, как наполняет всю книгу пафос революционного движения к ясным общечеловеческим целям, пусть даже движения, еще полного трагических жертв и далекого от заветных берегов.

Стихотворение «Товарищам из тюрьмы» (с подзаголовком «На заре социалистической пропаганды»), написанное в 1878 году, уже сравнивали по ряду сторон его содержания с «Интернационалом» Э. Потье. Но ведь и вся первая поэтическая книга Ивана Франко — это одно из самых бодрых и вдохновенных слов в честь борьбы за социалистическое будущее, сказанных европейской поэзией того времени. И если попытаться определить главный пафос книги «С вершин и низин», то можно было бы сказать: это — поэзия социалистического пробуждения трудового человечества, поэзия, полным голосом приветствующая наступление великой эпохи социальных битв и потрясений.

Гримить! Благодатна пора наступае. Природу розкішна дрож пронимае. Жде спрагла земля плодотворно зливи, І вітер над нею гуляє бурхливий, І з заходу темная хмара летить — Гримить!

Гримить! Тайна дрож пронимае народи... Мільйони чекають шасливої зми. Ті хмари — плідної будищини тині, Шо людськiсть, мов красна весна, обновить... Гримить!

Повесть «Борислав смеется» (1881 г.) может быть названа явлением такого же принципиального значения в современной Франко литературе. Как показала уже сделанные сопоставления (с «Мари Бартон» Э. Гаскеля, «Тяжелыми временами» Ч. Дикенса и другими произведениями), это одно из первых в мировой прозе полотен, отразивших не только тяжелое положение пролетариата, но и пробуждение его к классовой борьбе против капитализма.

В 1888 году Ф. Энгельс написал свое известное письмо писателю М. Гауке. Оценивая ее рассказ «Горская девушка», Энгельс видел недостаточную реалистичность его в том, что «рабочий класс фигурирует как пассивная масса, не способная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе... Революционный отпор рабочего класса угнетателю среде, которая его окружает, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав писаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма».

Заслуга Франко в том, что он один из первых среди художников слова сделал достойным реалистического искусства то, о чем писал Энгельс, — начало (в данном случае еще «полусознательное») классовой борьбы рабочих масс за свое освобождение от тьмы капитализма.

Франко был замечательным художником-гражданином в высоком и величественном значении этого слова. Как и на примерах Некрасова, Горького, Маяковского, на примере Франко можно видеть, что передовые идеи и тенденции — нисколько не обещают, а, напротив, неизмеримо обогащают искусство художника. Для украинского писателя — да только ли для украинского? — творчество Франко было и остается прекрасной школой высокой гражданской ответственности писателя, народности и реализма. В течение ряда десятилетий писатель-демократ вел неутомимую и последовательную борьбу против всяких проявлений декаданса, формализма, мещанской бездельности, отключаясь в этом, как и во многих других отношениях, на явления не только украинской, но и ряда зарубежных литератур — польской, чешской, немецкой, французской, английской. Категорически отвергая всяческие призывы к «чистому искусству», Франко высказывал — и всем своим творчеством убедительно подтверждал, — что литература, «как и современная наука, должна быть труженицей на ниве человеческого прогресса».

Любые попытки увести литературу в сторону от общественных вопросов, от борьбы между силами прогресса и реакцией вызвали у него решительный протест и отпор.

«Литература, стоящая над партией, — отвечал он естественным чистотой, — это только ваш сон, это ваша фантазия, а на деле такой литературы не было никогда».

Традиции Франко, его творческие заветы живут в украинской и всей международной советской литературе, в творчестве всех прогрессивных писателей мира. В торжественные дни столетия Ивана Франко народы всех стран воздают дань любви и уважения гениальному сыну украинского народа, вдохновенному певцу свободы и прогресса.

Чолом тобі, великий Камени!

Гимн

Вечный революционер — Дух, зовущий нас к походу За прогресс, добро, свободу, — Он — бессмертный пример. Ни поповские проклятия, Ни торжественные съезды, Ни штыки отрядов царских, Ни разгул плетей жандерских, Ни шпионы всей земли В гроб титана не свели!

Он не умер, он живет! Сотни лет назад рожденный, Он восстал, освобожденный, Силой собственной идет. Он окрепнул, он шагает В те края, где рассветает, Словом значимым, как трубу, Миллионы клечат к бою — Миллионы вслед за ним: Голос духа слышен им!

Голос духа слышен всем: В избах, в нищете привычных, В грохоте машин фабричных, Всюду, где тоска и тень. И, велемый духа земля, Горе покаяет землю, Моць родится и устрою — Не сгибайте, а боритесь, Пусть потожкам, не себе, Добывая жизнь в борьбе.

Вечный революционер — Дух, наука, мысль, свобода, — Он не прекратит похода, Неуклонности пример. Опрокинута плотина, С места тронутая лавина, — Где найдется в мире сила, Чтоб ее остановила, Чтоб опять свела на нет Пламеняющий рассвет? 1880

Перевод В. ТУРГАНОВА

Товарищам из тюрьмы

Рвутся старые наши окопы, Что привыкли мы в жизни носить: Расковать и мысли готовы — Будем жить, братья, будем мы жить!

Будем жить жизнью новой и полной, Добрых чувств согрешая огнем: По бурливому и сумрачному волнам Мы к счастливому краю поплывем.

Через волны несчастья и рабства, Мимо бурь озлобленных речей В край святой поплывем мы, где братство И согласие живут меж людей.

К битвам новым лежит нам дорога — Не за царство тиранов, царей, Не за церковь, попов или бога, Не за власть кровавиной-богатей.

Наша цель — это счастье людское, Светлый разум без веры в богов, Братство крепкое и мировое И свободные труд и любовь!

Нужно твердо в бою нам держаться, Не смущаясь, что пал первый ряд, Хоть по трупам вперед продвигаться, Ни на шаг не ступая назад.

Это бой наш последний! Тут в споре Человек против зверя встает, Тут свобода неволю победит, «Царство божье» на землю сойдет.

Но просить мы не станем у бога: «Да приидет к нам царство твое!» Там молитва влохля подмога, Где лишь разум крепит битне.

Дает не бог это царство нам сразу, Не святыс с небес принесут, Утвердит его властный наш разум, Наша воля и общий наш труд. 1878

Перевод С. ГОРОДЕЦКОГО

Покой

Что ж, покой — святое дело, Если мирно день идет: Кто же в час войны и боя Стал гласителем покоя — Трус или предатель тот.

Если мирные народы Трудятся, чтоб у природы Вырвать тайну не одну, Ту, что свет во тьму вливает, — Горе тем, кто начиняет Самовольную волю.

Но когда порой рачков Вор забьются к нам захочет, В доме шарить, в кладовой, Нас нищества лишая, Цели нам приговоря, — Разве свят тогда покой?

Если, нашу скромность видя, Дух наш, род наш ненавидя, Он нас топчет инозем — Горе, горе миротворцам, Тем, кто к топору не рвется, Не ответствует мечом! 15 июля 1883

Перевод Н. УШАКОВА

«Слишком хмуры ваши песни, Все лишь горе да неволя, Словно только сорняками Поросло родное поле.

Черным траурным покровом Свет небесный вы затмили, Злобу в сердце человека И тоску лишь вы открыли.

Зависть пожар злощастий Человечеству несете, Вмешо радости и счастья Всех на смертный бой зовете.

Грязью будничной пятная Чистой красоты святыню, Вы с небес в кабак швырнули Музу — светлую богиню!»

Так волнуетесь эстеты, Прозносите речи злые И скорбят, что прежних песен Сохнут воды ключевые.

«Ах, засохло, онемело Поэтическое слово, И без нашего участия Не воскреснет больше снова».

Все гусават про красоты Эстетических канонов, Летят и кроют усердно Мир грядущий из картона.

А ведь жизнь своей дорогой Мысли, мысли поднимая, Этим жалобам ульям И канонам не внимаю. 1881

Перевод С. ОЛЕНДЕРГА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 101 25 августа 1956 г. 3

Обложка к сборнику стихов И. Франко работы народного художника СССР В. Касияна, изданному Гослитиздатом Украины.

Каменоломы

Я видел странный сон. Казалось, предо мною Необразимые раскинулись края, А я стою в цепях над площадью глухою, Под высочайшею гранитною скалою, И рядом тысячи похожих на меня.

И каждое чело невзгоды жизни взрыли, У каждого в глазах огонь любви горит, И каждого из нас оковами сдавили, И плечи мы свои под тяжестью склонили, И некий страшный груз — один — всех тяготит.

У каждого в руках железный тяжкий молот, И голос прогремел, как будто гром в горах: «Врубайтесь в горный склон! Да не смутит вас голод, И жажда, и труды, и душный зной, и холод! Дано вам предратить скалу вот эту в прах!»

Мы все тогда слились как бы в одном дыханьи, Влетели молоты, раздался грозный стон; Отчаянья сильны, гранит железом раня, Мы с тысячи сторон его дробили граня, И камни брызнули на тысячи сторон.

Как водопада рева, как гул и клики боя, Так наши молоты гремели каждый раз; Мы медленно вели дорогу пред собою, Хоть не один из нас раздален был горою, Но удержат ничто уже не смело нас.

И каждый твердо знал, что славы нам не будет, Что люди предадут забвенью странный труд, Что лишь тогда пройдет дорогой этой люди, Когда свозят скалы путь пробьют ны наши груди И наши кости здесь, среди камней, сгниют.

Но не герои мы, и ни в какие годы За славою не гнались. Один лишь зная тнет, По воле собственной окопы и невзгоды Мы сами выбрали — невольники свободы: Каменоломы там, где к правде путь пройдет.

И всем нам верилось, что нашими руками Мы разобьем скалу и камни раздробим; Что кровью собственной, своими костяками Дорогу укрепим и в новый день за нами Иная жизнь придет и станет свет иным.

Мы знали хорошо, что там, на дальнем свете, Который мы навек покинули для мук, Горюют об отцах и матери, и дети, Что недруг нас кланят за труд и мысли эти, Что нас за них кланят и самый близкий друг.

Мы знали, и не раз душа у нас бодела, Но расе сжималась грудь, и сердце страх терзал, Но раны жгучие измененного тела, Но смех и клевета не помешала делу, И молота никто из рук не выпускал.

Вот так мы все идем, в одно мечткою слиты, А молоты в руках, и думается нам: Пускай мы прокляты и светом позобты, Но мы дробим скалу, готова путь открытым Счастливацам, что пройдут по нашим костякам. 1878

Перевод Н. УШАКОВА

Кусок железа с неизменной силой Другой кусок железа привлекает, Но эту силу — не покой бескрылый, Лишь неустанный опыт укрепляет.

А если ржавчиной его покрыло, В бездельянии всю мощь оно теряет, — Так сердце, ржавчиной тоски унылой Покрытое, само себя съедает.

Лишь труд стирает ржавчину густую, Лишь жизнь вдыхает в грудь пустую, Родник иссохший может возродить.

Лишь труд упорный силы укрепляет, Лишь труд вселенную перерождает, В труде лишь, для труда лишь стоит жить! 1880

Перевод В. ТУРГАНОВА

Декадент

В. Шурат

Я декадент? Вот это вправду ново! Подметал ты всего один момент И, модное найдя, пустое слово, Провозгласил: «Смотришь, декадент!»

Да, в этих песнях — боль, печаль, забота, Так жизнь сошлась, дорога ведь крута. Но есть в них, братец, и другая нота: Надежда, воля, светлая мечта.

Я не терплю печальности без цели, Бесплодно слушать, как звонит в ушах; Пока я жив, я жить хочу на деле, Борьба за жизнь меня не вгонит в страх.

Нередко хрен с горничней я глотаю, Не раз и прел, и хрипнул я, и стыл, А все-таки незгой не страдаю, Катар кишок покуда не добыл.

Какой я декадент? Я сын народа, Который рвется к солнцу из берлог, Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода, Я сам — мужик, пролог, не эпиллог.

Я за столом не пропущу стаканя, Зато и в драке — тоже не смолчу, На жизненном пути скачуть не стану И в нищете — лица не опущу.

Не паразит я, одуревший с жиру, Который в будни помнит лишь процент, А в праздник на «ура» настроит лиру... Так, черт возьми, — какой я декадент? 1886

Перевод В. ТУРГАНОВА

Издания произведений И. Франко в переводах на языки народов СССР.

Конференция в Лондоне окончилась

Радостно обнимаются эти моряки-египтяне: в Исмании над помещением бывшей компании Суэцкого канала поднят флаг Египетской Республики...
Снимок из английского журнала «Пинчер пост»

Итак, Лондонская конференция по вопросу о Суэцком канале закончилась. Как уже известно, представители 22 стран, участвовавших в конференции, поручили председателю конференции сообщить египетскому правительству полный стенографический отчет своих прений.

Люди, внимательно следившие за ходом конференции, понимают, что достигнутое решение — победа здравого смысла. Напомним, что конференция, состав которой был хитро подобран ее инициаторами, чуть ли не с первых минут своей работы распался на два лагеря — 18 делегаций, поддерживавших так называемый «план Даллеса», и 4 делегации, в том числе СССР, отстаивавших индийское предложение. Суть «плана Даллеса», в основу которого положен принцип грубого попрания суверенитета Египта, видна невооруженным глазом — представить Египту ультимативной форме заведомо неприемлемые требования «интернационализации канала». Однако попытка предать Египту ультиматум за восемнадцать подписаний потерпела провал.

В том, что восемнадцать делегаций не сумели навязать конференции свою волю, нет ничего удивительного. Индийское предложение, поддержанное советской делегацией, выражало точку зрения подавляющей части населения земного шара. Английский консервативный еженедельник «Спектейтор» со сдержанной критикой признает, что мировое общественное мнение не поддержит попытку западных стран силой заставить Египет принять план Даллеса.

Осуждение принципа применения силы было чрезвычайно широким. Печать сообщила о любопытном инциденте, происшедшем в Нью-Йорке во время пресс-конференции генерального секретаря ООН Хаммаршельда. Когда речь зашла о Лондонской конференции, один из корреспондентов, вместо того чтобы задавать вопросы Хаммаршельду, встал и произнес монолог следующего содержания: «Великобритания», — сказал он, — допустила самое полное и явное нарушение Устава ООН, мобилизовав военные силы против Египта. Устав гласит, что страны-члены не должны прибегать к силе или угрозе применения силы, прежде чем они не попытаются вести переговоры. Мне кажется, — продолжил корреспондент, — что это один из самых серьезных вызовов для духа ООН, и мне приходит в голову вопрос: для чего мы все сидим здесь?»

Повсеместное осуждение применения силы для разрешения суэцкого вопроса (а в том, что «план Даллеса» открывал путь для применения силы, никто не сомневался) заставило делегации, ведомые США, Англией и Францией, одуматься и занять более умеренную позицию.

Сейчас, по горячим следам событий, еще рано делать глубокие и исчерпывающие выводы. Характерную особенность конференции правильно отметил министр иностранных дел Пакистана Чоудхури. Он сказал так: «Конференция удалось обеспечить более спокойную атмосферу и более трезвую оценку проблемы Суэцкого канала. Кроме того, ей удалось убедить всех в том, что мирное решение — это единственно возможное решение и что применение силы должно быть исключено. С этой точки зрения конференция была весьма успешной».

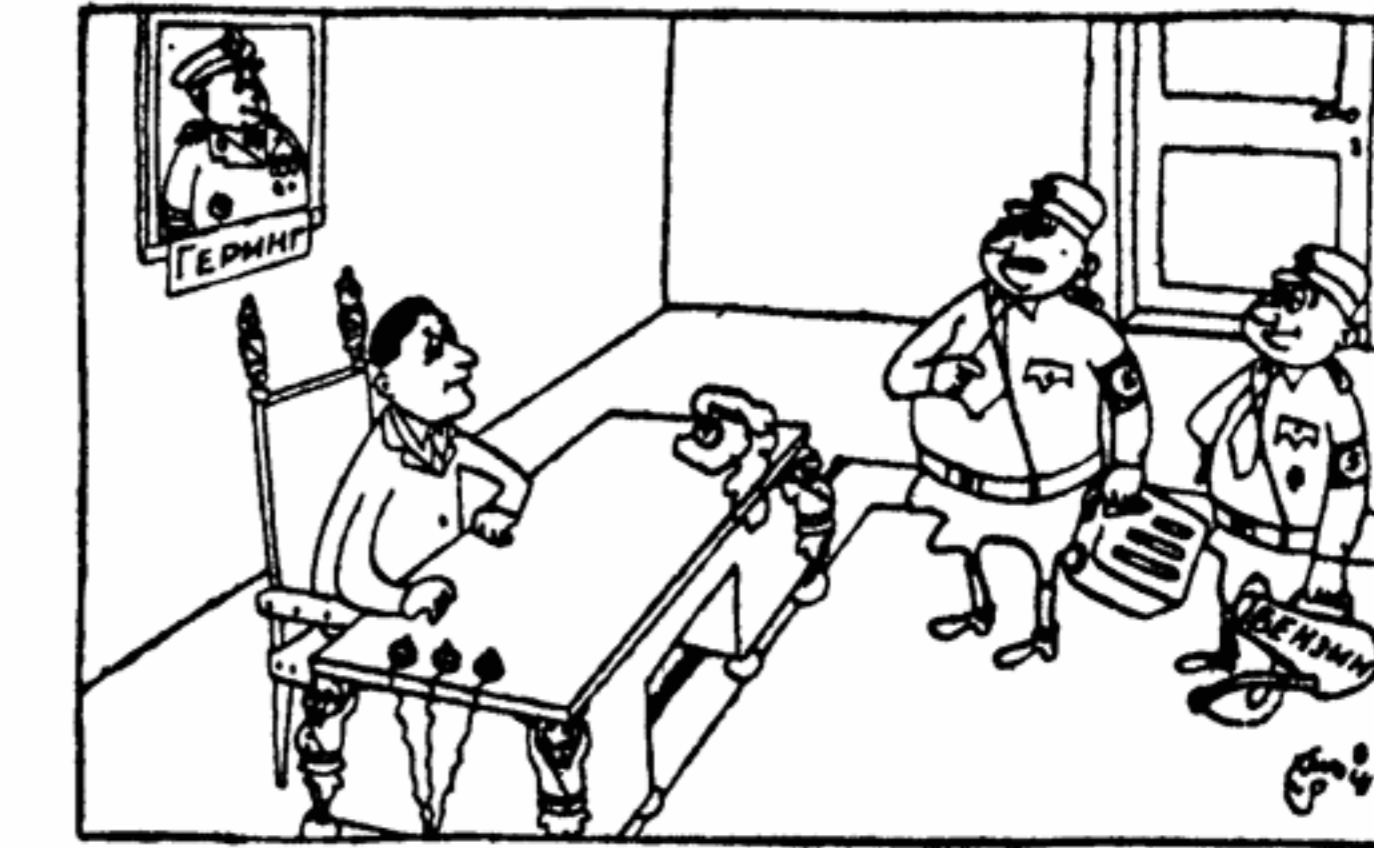
Тот факт, что заключительный аккорд конференции прозвучал вполне мирно, доставил большую радость широкой общественности ряда стран, в том числе и Египта. В эти дни в Египте раздаются слова благодарности по адресу советских и индийских представителей, немало потрудившихся на Лондонской конференции в защиту священных прав египетского народа. Суданский министр иностранных дел Махгуб, выступая на пресс-конференции, отдал должное позиции советской делегации, отметил ее «огромную поддержку Египту».

Но если повестка дня конференции исчерпана, то, к сожалению, нет оснований полагать, что суэцкий вопрос, как таковой, уже мирно урегулирован. Западные державы еще попытаются добиться своего не мытьем, так катаньем. В частности, продолжается политика всеческого давления на Египет. Продолжается блокирование египетских ценных бумаг в банках Франции и Англии. И, наконец, проводится открытый саботаж нормальной работы канала путем отъезда лодчанов.

Все говорит о том, что кое-кто в Лондоне и Париже спит и во сне видит предлог для оккупации зоны канала. Однако Египет проводит твердую политику, не поддаваясь на провокации западных держав. Молодая республика чувствует свою силу и мощную поддержку сотен миллионов друзей. Заглядывая вперед, американская газета «Конститушн» предсказывает, что вопрос о Суэцком канале «будет, вероятно, разрешен без большого конфликта. Переговоры будут длительными и трудными. Козырные карты, очевидно, находятся в руках Насера и русских». То, что американская газета именует козырными картами, на самом деле называется исторической справедливостью. Те же, кто выступает против исторической справедливости, заранее обрекают себя на поражение.

Международная почта

К ЗАПРЕЩЕНИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

— Как же вы, господин министр, забыли нас, старых борцов? Запретили КПГ и даже не дали нам предвзвешенно решить, что будет! Рисунок художника Шмита из немецкой газеты «Вертлинер дейтунг»

400 МИЛЛИОНОВ ШИЛЛИНГОВ

ГРУППА австрийских промышленников совершила поездку в Китайскую Народную Республику. Она возвратилась в Вену. Каковы результаты поездки? Получены заказы на общую сумму в 400 миллионов шиллингов. Газета деловых кругов Австрии «Ди прессе» пишет о несомненном желании КНР вести торговлю с гигантским рынком Китая, который имеет «безграничные возможности к расширению». Печать отмечает, что объем заключенных сделок может быть значительно больше, если бы не американское эмбарго на торговлю с народным Китаем.

КАК ВО ВРЕМЕНА ФРИДРИХА

«БЛАНК вербует, пуская в ход все средства», — пишет западногерманская газета «Телеграф» по поводу пропагандистской кампании, с помощью которой военное министерство ФРГ пытается сколотить свежие унтер-офицерские и офицерские кадры бундесвера — армии западногерманских реваншистов. Не скрывает, расходуя Бонн на эти цели миллионы марок. Вербовочные проспекты, доклады, выступления по радио и телевидению, фильмы, про странное газетные объявления — все это должно породить у населения «военный восторг».

Но «солдатская профессия не вызывает восторга», признает газета «Франкфуртер рундschau». И это заставило боннское военное министерство отправить в турне по Западной Германии две группы вербовщиков — полторы сотни старших офицеров. Одна из этих групп «пущена на военнообязанную молодежь», другая занялась школьниками старших классов.

Вербовщики обещают молодежи выгодную карьеру, быстрое продвижение по службе и получение все более высоких окладов. «Юрибергер нахрихт» откровенно замечает в связи с этим, что западногерманская военная организация «вернулась к эпохе ландскнехтства», к временам прусского короля Фридриха II, который посулами, деньгами и вином пытался заарканить людей и поставить их под ружье. Газета добавляет, что ныне в ФРГ применятся, по существу, те же методы. Посуды и деньги, как и прежде, — «орудия этого ремесла».

Однако, судя по сообщениям западногерманской печати, «лютенциальные» унтер-офицеры и офицеры не слишком любезно встречают посланцев Бланка.

Череп с картонной каской воздвигла на кафедру перед приходом офицера-вербовщика молодежь одного из учебных заведений провинциальной Баварии. В Юльшфельде офицеры, пытавшиеся продемонстрировать пропагандистский фильм о бундесвере — «Первые шаги», были встречены криками протеста; собравшиеся перерезали электротроссы, и в этом сеансе вербовки окончился. В Гроссвальде и Обернбурге вербовщики, прехватившим с этим же фильмом, предложили показать и его последние кадры.

Местная газета «Ашаффенбургер майтэг» свидетельствует, что люди «в этих обычных мирных поселках кричали: вербовщики! «продуховцы», «гробовщики» и всякое такое прочее. Когда на улицах Хемера впервые появились войсковые соединения бундесвера, среди населения распространились листовки, в которых говорилось: «Военной музыкой и парадом начинаются, — война, смерть, хаосом завершаются».

Таков аккомпанемент, которым сопровождается вербовочная кампания. Приносит она Бонну и соответствующие итоги. По данным газеты «Дас андере Дейчланд», в Баварию из 7000 человек согласились вступить в кадры армии немногим более полусотни. 62 офицера-вербовщика привезли 62 рекрута...
Немецкая молодежь не хочет вступать в бундесвер, так как избрала для себя будущее, никак не совпадающее с тем — опаснейшим! — будущим, которое сулят ей боннские милитаристы.

ТРОВАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

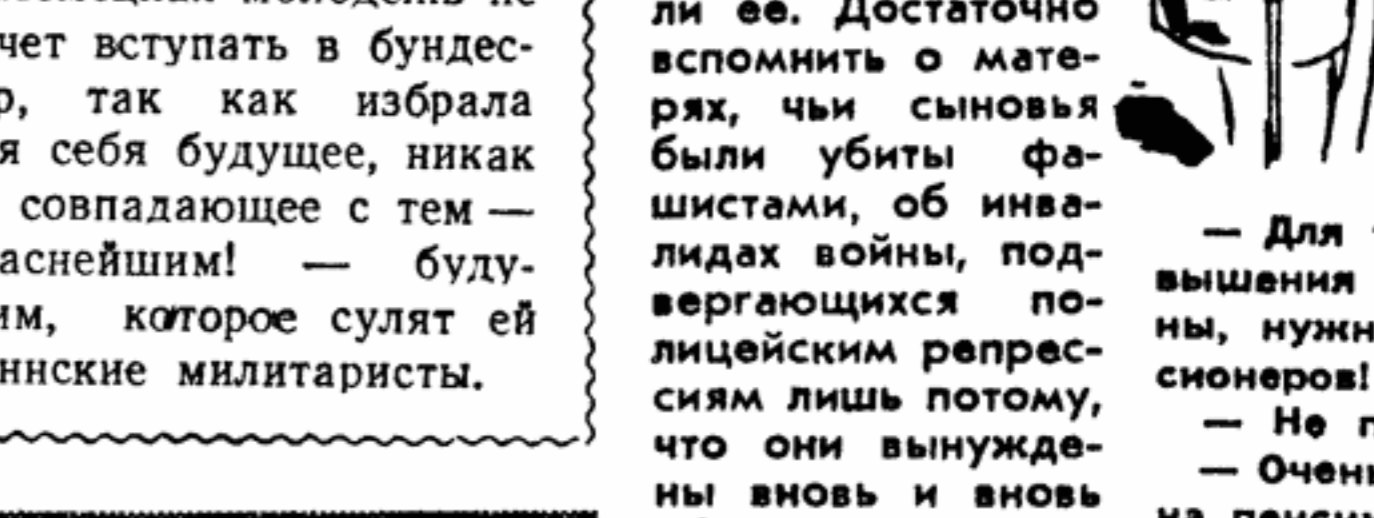
РИМСКИЙ суд недавно вынес (не испытывая ни малейшего угрызения совести!) решение о назначении еженедельного пособия на пропитание великодушным пенсионерам. Муссолини. Размер «пособия» — 1900 лир. Большая часть этой немалой суммы предназначена дочери пресловутого дуче, остальная — его сыну. Пенсия будет выплачиваться из денег, вырученных от продажи конфискованного имущества фашистского диктатора. Своим решением суд авторитарно «непринимает» эти лица.

«Это известие из числа тех, — пишет итальянская газета «Унига», — которые вызывают удивление и вместе с тем негодование: как по своему содержанию, так и самой авторитарной решения...»

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Шестьдесят римского суда могут позавидовать многим итальянцам. Тысячи и тысячи людей в Италии действительно находятся, мягко говоря, в «непринимательном экономическом положении» и не только нуждаются в пенсии, но и заслуживают ее. Достаточно вспомнить о материале, чьи сыновья были убиты фашистами, об инвалидах войны, подверженных полицейским репрессиям лишь потому, что они вынуждены вновь и вновь обращаться в суды Италии на свое тяжелое положение...

— Для того, чтобы добиться повышения пенсий инвалидам войны, нужно увеличить число пенсионеров! — Не понимаю... — Очень просто: нужно посадить на пенсию нынешних министров! Рисунок художника Камарини из итальянской газеты «Паезе»

Т. Хейердал

ЛЕТ десять назад норвежский этнограф и путешественник Тор Хейердал взял на плото по океану, Хейердал не прекратил своих изысканий. Он снова отправился в Полинезию. Сейчас экспедиция Тора Хейердала закончила свою работу и возвратилась в Европу.

В начале августа норвежская газета «Верденс ганг» опубликовала беседу с Хейердалом. Газета сообщает, что он очень доволен результатами путешествия, особенно находками на островах Полинезии. Он считает, что требуется не менее полтора лет для обработки материалов археологических раскопок.

Во время пребывания на островах Полинезии Хейердал разрешил одну из труднейших загадок, связанных с колоссальными каменными изваяниями. Он доказал, что, имея достаточно времени и рабочей силы, можно без современных вспомогательных средств поднимать и переносить эти громады.

Экспедиция обнаружила остатки укрепленного города Моронго-Ута, руины которого, по мнению исследователей, очень напоминают знаменитый храм инков в Мачу Пичу в Перу.

Хейердал заявил, пишет «Верденс ганг», что экспедиция не нашла ничего такого, что противоречило бы теории, которую он стремился доказать: путешествие на «Кон-Тики» не исключено, что обработка собранных научных материалов покажет, что переселенцы из Перу появились в Полинезии даже раньше, чем он первоначально предполагал.

Газета «Верденс ганг» высказывает предположение, что Тор Хейердал, очевидно, напишет о своей новой экспедиции популярную книгу, подобную той, какую он написал о путешествии на «Кон-Тики».

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМРНОВ.

Т. МОТЫЛЕВА

Писатели-реалисты Запада

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Сейчас много и справедливо говорят о грехах нашего литературоведения, прямо или косвенно связанных с культом личности, с протекционизмом из этого культа догматизмом и теоретической робостью. Один из таких грехов — догматическое неприятие в современной западной литературе критического реализма.

Наша партия вела и ведет борьбу против предвзятости перед упадочнической, антигуманистической культурой империализма, против меркантильного увлечения иностранной буржуазной модой, против подражания формалистическим суррогатам искусства. Вместе с тем советским людям, воспитанным в духе марксизма-ленинизма, всегда было свойственно бережное, уважительное отношение к подлинным культурным ценностям, создаваемым другими народами. Однако по вине догматиков и конъюнктурщиков на протяжении ряда лет у нас не складывалось упрощенное представление о расстановке сил в западной литературе наших дней.

Одно время было принято изображать чуть ли не всю литературу капиталистических стран как сплошной упадок и разложение. Потом выдвинулась тема прогрессивной литературы. Появился ряд статей о передовых зарубежных писателях, что было само по себе полезно. Но авторы таких статей (в том числе и автор этих строк) интересовались по преимуществу творчеством наших ближайших друзей и единомышленников. А многое другое, что не входило в рубрику узко понятого «распада» или узко понятого «прогресса», по-прежнему оставалось вне поля зрения нашей критики. Иногда в статьях мимоходом говорилось о том, что критический реализм в зарубежной литературе еще не полностью себя изжил, ибо есть отдельные писатели, которые, не обладая революционной перспективой, все же правдиво отражают те или иные стороны буржуазной действительности... Но критический реализм на Западе — это не «отдельные писатели». Это — большой пласт литературы XX века, сложный комплекс явлений.

Наше литературоведение не помогало читателям разобраться в этих явлениях. Не помогли и издательства. На протяжении многих лет не выходили произведения таких выдающихся художников слова, как Роже Мартен дю Гар, Герберт Уэллс, Леонард Франк, Стефан Цвейг, Франсуа Мориака, Энтон Синклер, Ганс Фаллада... Теперь наши издательства начинают наверстывать упущенное. Сдвиги в деле выпуска зарубежной литературы налицо. Но то, что сделано и делается, еще очень недостаточно. Есть немало интересных иностранных писателей, незаслуженно забытых или замалчиваемых, или еще не замеченных нашей печатью. Есть и непростительные провалы в вузовских программах и пособия по новейшей зарубежной литературе. В результате у читателей, и даже у той молодежи, которая получает специальное филологическое образование, создается очень неполная, обедненная картина литературной жизни за рубежом.

Стоит глубже задуматься в то разностороннее воздействие, которое оказала Октябрьская революция на западную литературу. Понятно, что свержение эксплуататоров на одной шестой части земли оставило глубокий след в сознании иностранной интеллигенции. Стала расти молодая революционная литература, открыто связанная с пролетариатом и его борьбой. Лучшее из старых мастеров культуры глубоко осознали историческое значение Октября. Это вызвало серьезные перемены в их мировоззрении и их творчестве: у одних, например у Драйзера, обогатилась, приобрела новую силу критика старого, обреченного мира, у других, например у Роллана, обозначилась, хотя бы в общих и смутных контурах, образ нарождающегося нового мира. Но не менее важно, что Октябрьская революция и подготовивший ее, связанный с нею всеобщий кризис капитализма повлияли и на многих из тех писателей, которые этой революции не повидали.

Само собою разумеется, что политические взгляды писателя всегда сказываются на его художественном творчестве. Но это — сложная связь, а не тождество, не механическое соответствие. В послеоктябрьские годы крах старых ценностей, нарастающие взрывчатые силы в недрах старого общества ощущались и теми художниками, которые не делали отсюда необходимых политических выводов или даже делали ложные выводы. Синклер Льюис всю свою жизнь был противником коммунизма. Но Горький в 1931 году справедливо заметил: «Двадцать лет тому назад были бы невозможны книги такого типа, как «Джар Гантри» и «Эрроусмит» Синклера Льюиса». Та трезвая критика господствующих социальных отношений, быта, нравов, которую мы находим в лучших вещах Льюиса, как и в других лучших произведениях литераторов США 20-х годов, была по-своему честным художественным отражением того факта, что в самом фундаменте капиталистического строя появились глубокие трещины. Об этом свидетельствовали и такие книги, как «Бостон» Эптона Синклера, «Прощай, оружие!» Хемингуэя, «Уайнберг, Огайо» Шервуда Андерсона, хотя авторы этих книг и не хотели и не могли стать пролетарскими революционерами.

Еще пример. Джон Голсуорси, как известно, враждебно относился к рабочему движению. Мысль о социалистическом перевороте была для него непереносима и страшна. Но было бы очень неверно сводить все содержание последних книг его монументальной «Саги» к примитивной буржуазной обреченности и охране его. В них по-своему выражены те истины, которые раскрылись перед писателем именно в послеоктябрьские годы. Логикой действия эти книги говорят, что класс, к которому принадлежат Форсайты, — класс отживший, лишенный перспектив.

Творчество западных писателей-реалистов XX века, не подпадавших под передовые идеи эпохи, нередко страдало узостью диапазона. Этим писателям, как правило, не удавалось передать бытие социального пульса нашего времени, увидеть динамику классовых столкновений. Но им часто удавалось правдиво и очень тонко передать душевную неустроенность, внутреннее осуждение буржуазного человека, и уже это придавало их произведениям объективный антикапиталистический смысл. В «Волшебной горе» Томаса Манна — камерный, искусственно замкнутый мирок. Действие сведено к минимуму, персонажи — обеспеченные буржуа. Но, воспроизводя разумную, спорную, тоску, тревогу эти предельно бездельные люди, художник с неумолимой последовательностью приводит читателя к выводу о кризисе старого мира и крушении его духовных основ.

«Волшебная гора» — произведение, близко сопрягающееся с литературой декаданса. Здесь есть известная поэтизация безделья и умирания, — это так. Но главное в романе все-таки не пафос иррационального, не мистика смерти, а та умная и трезвая писательская ирония, с помощью которой Томас Манн неизмеримо возвышается над своими растерянными и заблудившимися героями.

Этот пример характерен. В западной литературе последних десятилетий много книг, где рядом с верным изображением жизни и постановкой больших вопросов есть те или иные дозы декадентского яда, черты идейной и художественной ущербности. Порою то здоровое и жизнеспособное, что живет в сознании и таланте писателя, прорывается наружу лишь с трудом, в итоге очень трудной внутренней борьбы, поисков, колебаний. Но значит ли это, что надо вовсе отбросить такие произведения, как «Волшебная гора», или «Прощай, оружие!», или даже «Смерть героя»?

Вне недавно в нашей критике многие литературные явления, носители следы модернистских или иных чуждых нам влияний, бездумно причислялись к реакционным. Такие явления, как правило, не подвергались серьезному анализу, — от них просто отмахивались. Примером могут служить оценки известных писателей США в сборнике «Современная американская литература» (1950).

То легковесное третирирование крупных иностранных писателей, которым недавно еще грешила наша критика, принесло мало вреда. В частности и потому, что таким образом из круга чтения советских людей выпадали книги, которые при правильном к ним подходе могут обогатить наше представление о капиталистическом мире, обострить наше непримиримое отношение к буржуазной идеологии и нравам.

Сектантские, вульгаризаторские взгляды на зарубежную литературу повлияли и на иную читательскую аудиторию. Иногда приходится слышать недоуменные вопросы по поводу произведений, вышедших недавно в русском переводе: а надо ли нам знать это? Немало споров — и среди читателей и среди литераторов — вызвали и рассказы Колдуэлла, и «Старый и море» Хемингуэя, и «Обезьянка» Мориака, и «Тихий американец» Грина. Споры сами по себе, конечно, законы, и в итоге этих споров все более широкий круг редакторов, критиков, издателей работников убеждается, что советского читателя надо знакомить с произведениями зарубежной литературы, представляющими познавательную и художественную ценность; надо и тогда, когда мы далеко не во всем согласны с авторами этих произведений...

Не знакомить — это только поделка. Большую работу следует провести критикам. Нужно помочь читателю разобраться в творчестве видных зарубежных прозаиков и драматургов, о которых у нас много лет почти не писали. Необходимы серьезные работы, раскрывающие значение тех талантливых художников, которые говорят правду или хотя бы часть правды о сегодняшнем капиталистическом мире. Надо показать, как эти художники ищут истины, ищут выхода из тупика буржуазного общества, протестуют против его неодолимых и нечестных нравов, — и как неясность мировоззрения налагает пути на их дарования, не дает им голоса звучать в полную силу. В содержательной статье И. Кашкина «Перечитывая Хемингуэя», написанной с большим уважением к американскому писателю, верно говорится: «...Его попытки на многие не смотрят или, во всяком случае, о многом не думают ограничивают и объединяют его творческие возможности. Хемингуэя не может или не хочет понять, где источник мертвой воды, пеняющей мир, в котором он живет? Это применимо, конечно, не к одному только Хемингуэю...»

Неумение найти корень зла, безоружность в борьбе с этим злом — источник многих творческих трагедий тех честных, тонких художников, которым не хочется мириться с безобразием собственного строя. Наши литературоведы подчас оценивают творчество таких писателей с помощью нехитрого схематизма примерно в таком роде: «Настроения отчаяния, безысходности, разоружения; тупица в их борьбе с империализмом; писатель X подвержен настроениям отчаяния, безысходности, следовательно, писатель X разоружает тупицу в их борьбе против империализма». По законам формальной логики оно как будто бы так. Но литературный процесс несколько сложнее, чем законы формальной логики... Нельзя отождествлять пессимизм, свойственный некоторым видным писателям-реалистам на Западе, с реакционной декадентской клеветой на человека. Это не пессимизм, покуда не вина писателя, а беда его. В сложных условиях литературной жизни современного капиталистического мира пессимизм иной раз становится особой формой протеста против власти тех, кто требует от писателя, чтобы он непрерывно ублажался, как красавица на рекламном плакате.

В Западной Германии сейчас развивается очень интересная новая литература «потерянного поколения» — создаются романы и повести о людях травмированных, выбитых из колеи второй мировой войны. Эта литература проникнута грустью. Она беспомощна и в объяснении причин зла, и в поисках выхода из создавшегося положения. Но в подобных книгах, например в повестях одаренного Генриха Белла, по-своему отражено глубокое отвращение миллионов немцев к войне, их упорное нежелание воевать. Понятно, что такие книги заслуживают с нашей стороны самого пристального добросовестного внимания.

Да, в современной западной литературе реализм часто переплетается с декадансом. В книгах, освещающих важные области жизни, нередко есть и чрезмерная мрачность колорита и нездоровая изощренность формы. Как тут разобраться, где критический реализм, а где декаданс? Там, где у писателя, правдиво изображающего жизнь, чувствуется «боль о человеке» (как писал Добролюбов о Достоевском), там есть здоровая реалистическая основа, даже если

она порой и затемнена налетом упадочничества. Декаданс по своей природе антигуманистичен. Если у писателя есть искренняя тревога, возмущенность по поводу страданий людей, значит, его творчество нельзя сводить к декадансу. И даже если писатель на том или ином этапе своего пути допустил идейный срыв, написал неудачную книгу, отступил от реализма, отсюда вовсе не следует, что его надо сбрасывать со счета и причислять к вражескому лагерю. При оценке творчества писателя надо внимательно, непредвзято вслушаться в основное, доминирующее звучание его творчества, а не судить о нем по отдельным фальшивым нотам. Истина всегда конкретна, и от критики требуется продуманный индивидуальный подход к каждому художнику и особенностям его развития.

Столь же очевидно, что не всякую изощренность формы можно трактовать, как формализм. Очень правильно писал недавно Д. Шостакович: «Формалистическим искусством можно назвать только искусство пустое, безыдейное, холодное, безжизненное»; когда искусство одушевлено поисками правды, большого идейного содержания, его нельзя назвать формалистическим, даже если поиски писателя, с нашей точки зрения, не во всем оправданы и не во всем увенчаны успехом. Важно видеть главное: есть в книге правда жизни или нет? есть гуманизм, есть боль о поруганном, униженном человеке или нет? Есть ли в творчестве писателя, которого мы рассматриваем, признаки формализма? Истина всегда конкретна, и от критики требуется продуманный индивидуальный подход к каждому художнику и особенностям его развития.

Важно видеть и другую сторону современного критического реализма. В последнюю эпоху значительно возросла тяга художников-реалистов к отысканию и утверждению положительного идеала. Понятно, что передовые писатели, вдохновляющиеся социалистической идеологией и методом социалистического реализма, утверждают положительный идеал в образах народных борцов, раскрывая через эти образы революционные развитие жизни. Однако есть на Западе и такие писатели, которые не прониклись социалистической идеологией, но в то же время настойчиво ищут способов утвердить в искусстве свою веру в жизнь и в человека, каждый по-своему продолжая демократические традиции своей литературы. Например, немецкие писатели-антифашисты в годы эмиграции нередко искали положительного героя в историческом прошлом; в созданном Германом Манном образе «гуманиста на коне», короля Генриха IV, по-своему очень ярко сказывалась демократический жизнеутверждающий дух нашей эпохи. Стефан Цвейг, написавший столько скорбных страниц о морально исковерканных людях, в годы эмиграции создал повесть о гордом и бесстрашном Магелладе, доказавшем, что «воля человека преодолевает тысячу противобудейств». «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара ценна не только острой критикой буржуазного быта и морали, но также антивоенными порывами Жака Тибо, но и той поэзией интеллектуально-го труда, которая раскрывается в образе его старшего брата Антуана. Синклер Льюис силен не только своей сатирой на баббитов, но и подлинными фигурами честных, мыслящих американцев и особенно — образом Эрроусмита, одержимого стойкой и бескорыстной любовью к науке. А в наши дни традиция романа «Мартин Эрроусмит» с успехом развивается в книгах Митчелла Уилсона. Прославление трудового упорства, творческих исканий — космическое, но очень важное свидетельство влияния передовых идей нашей эпохи на западную литературу. И нет оснований сомневаться, что вместе с ростом и укреплением мировой социалистической системы влияние это, многообразное по своим творческим результатам, будет возрастать.

Советские люди отзывчивы ко всему честному и подлинно гуманному, что есть в литературе и искусстве других народов. Произведения западных писателей, осуждающих буржуазную действительность, поднимающих свой голос в защиту угнетенного человека, утверждающих право этого человека на счастье, несомненно, заслуживают внимания советского читателя. И произведения эти, безусловно, нуждаются во вдумчивом, дружески строгом и принципиальном разборе в работах советских литературоведов.